

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398.22

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-4-83-93

ПЕСНИ О ЧЕРНЫШЕВЕ-ПЛЕННИКЕ И ПЕСНИ О «ГЕРОЕ В ТЕМНИЦЕ»*

© *Игумнов Андрей Георгиевич*

доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: anigumnov@mail.ru

* Работа выполнена в рамках государственного задания (проект XII.192.1.4. Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика, номер госрегистрации № АААА-А17_117021310268-2).

В статье рассматриваются некоторые русские исторические песни о герое, заключенном в темницу. Показывается, что при общей условности и стереотипичности песен о Чернышеве-пленнике в двух из них историческая основа фабулы фиксируется достаточно отчетливо. Показано также, что при всем сюжетно-фабульном различии этих песен в них можно увидеть некоторый фабульно-лексико-фразеологический континуит: точно указывается местоположение темницы, описываются замки и запоры, которыми снабжены тюремные двери, закономерная крайняя скудость «внутреннего убранства» темницы, констатируется сам факт заключения героя, время его пребывания в темнице и относительно детально и вполне трафаретно описывается его тяжелое состояние, описывается разговор заключенного с турецким султаном или прусским королем, в ходе которого должна решиться судьба заключенного. Вводятся понятия фабульно-лексической изоморфности и автономных, т. е. не перенесенных из других песен, фабульных деталей. В качестве последних рассмотрена фабульная формула «стояла/стоял тут + характерная деталь + сидел» и, с привлечением украинских дум, мотивы скованности / связанности пленника.

Ключевые слова: русские исторические песни; Ермак; Разин; Чернышев; Пугачев; конкретность историзма; фабульно-лексико-фразеологическая изоморфность; автономная реалья.

Как констатирует Л. И. Емельянов, исторической основой песен о Чернышеве-пленнике [6, № 325–368] послужил «исход Цорндорфского сражения» (14 августа 1758 г.) — одного «из важнейших эпизодов всей Семилетней войны». И далее: «Оставляя в стороне реальные черты Чернышева..

песни... изображают его в ситуации, издавна известной в русском фольклоре — герой в темнице. Никаких конкретно-исторических предпосылок для такой ассоциации... не было и не могло быть. Песни откликнулись не на пленение Чернышева, как такового, а на пленение русского генерала, одного из солдатских военачальников» [1, с. 15]. В комментариях утверждается: объяснение обширности цикла песен о Чернышеве-пленнике (среди песен о Семилетней войне) «следует искать, конечно, не в особой популярности генерала Чернышева, а в остро историческом характере и ярком драматизме сюжетной ситуации, известной русскому историко-песенному фольклору еще с XVI в.». И далее: «Однако реальная конкретность данного факта (помимо пленения генерала еще разгром так называемого «нового корпуса». — *А. И.*) в песне совершенно опущена» [6, с. 318].

Правда, если иметь в виду только русские исторические* песни, приурочиваемые к событиям до XIX в. и опубликованные [4], [5], [6], то ситуация «герой в темнице» оказывается, во-первых, не столь распространенной. В темнице сидят Ермак [4, № 377–385, 386–387], Разин [5, № 352] и Пугачев [6, № 514]. Во-вторых и главным же, очень трудно согласиться с утверждением о том, что в песне, гораздо точнее — в цикле песен о Чернышеве-пленнике, «реальная конкретность данного факта (еще раз: пленение генерала и разгром «нового корпуса») *совершенно опущена*» (курсив здесь и везде мой. — *А. И.*). Разумеется, ни в одном тексте эта реальность во всей своей полноте не представлена, но в двух, как минимум, песнях цикла она представлена с достаточной полнотой.

Не стоит, конечно, даже и говорить об устойчивости именованного героя именем его прототипа — Захар Григорьевич Чернышев и титулования его «российским графом»: сами по себе устойчивость именованного и титулованного героя ни о чем не говорят, к тому же известны песни на эту же фабульную схему и с безымянным персонажем. Но все-таки песенный Чернышев, в отличие от прочих «героев в темнице» — именно военнопленный, наделенный достаточно большими полномочиями. Как он сам о себе говорит, обращаясь к прусскому королю:

(1)
 Ах гой еси прусской король,
 Королевское величество!
 Ты умел меня в полон поймать... [6, № 352].

Разумеется, поймать «в полон» можно кого угодно, но в этом же тексте Чернышев намерен «написать грамотку» «превеликой государыне» с показательной просьбой:

(2)
 Еще нечто наша матушка,
 Превелика государыня,
 На подмогу бы силы прибавила,
 Артиллерии бы *к нам* подкатила! [6, № 352].

* О былинах здесь говорить, конечно, не приходится: их приурочения сомнительны.

И в конце этого же текста Чернышев уверяет «государыню»:

(3)

Не мирися с прусским королем:
Мы возьмем его Крестин-город,
Разобьем крестински крепости!

В этом же тексте зафиксирована еще одна существенная деталь события (именно — исхода Цорндорфского сражения). Известно, что осенью того же года «при обмене пленных Чернышев вернулся в армию и в следующем году командовал отдельным корпусом» [3, с. 587]. В песне об этом сказано почти то же. Во время последующей осады российскими войсками «Крестина-города»

(4)

Обездолился прусской король...
Выпускал он посидельщика,
Отвозили к царю белому... [6, № 352].

Зафиксировала в одном из вариантов песня еще две существенных детали действительного исторического события. Во-первых, разгром в ходе Цорндорфского сражения так называемого «нового корпуса» (корпус, «новонабранный» графом Шуваловым [6, с. 318]). Убеждая плененного «российского графа» «послужить ему хотя три часа», «король земли прусские» напоминает пленнику:

(5)

...Ваша армия побита вся,
Остальная вся в полон взята [6, № 327].

Конечно, разгром именно «нового корпуса» здесь может только подразумеваться (этому событию как таковому посвящена отдельная песня [6, № 321–324]), но тем не менее.

Во-вторых же, привлекают внимание и такие строки этого текста. «Российский граф», «похаживая по светлице»,

(6)

Он в окошечко поглядывает,
Свою армию высматривает [6, № 327].

Конечно, объяснять эти строки можно по-разному, допустим, что пленник мечтает о будущем, которое сам намерен воплотить в действительность (см. чуть ниже), но известно, что Фридрих II «приказал бросить его (З. Г. Чернышева. — А. И.) вместе с другими пленными генералами в казематы Кюстринской крепости» [3, с. 587].

И в этом же тексте еще раз подчеркнута высокая воинская должность «российского графа». Он высказывает твердое намерение:

(7)

Напишу я скору грамотку...
Пропишу набрать рекрутиков,
Молодых я, всё, солдатушков,
Я велю *иттить* на Крестин-город... и т. д. [6, № 327].

В связи с этими строками см. также исторический комментарий к (3) — о командовании З. Г. Чернышевым «отдельным корпусом».

Если же теперь обратиться к иным песням о героях в темнице, то легко увидеть, что относительно высоким официальным статусом среди них обладает один Ермак и то лишь в одном тексте. «По факту» он, может быть, и военнопленный, но человек явно «не служивый» (хотя среди песенных (!) донских казаков он и пользуется большим авторитетом). Лишь в одном месте [4, № 377] Ермак, будучи московским «скорым послом», вез «царю турецкому» «гостинцы дорогие», но его «на заставах всего ограбили», а его самого и его товарищей «рассадили... и по разным темным темницам» [4, № 377]. В текстах же [4, № 378–385 и № 386–387] он — «просто» «добрый молодец» или «млад донской казак» или, хотя бы «Стеньки Разина племянничек», посаженный в темницу по не названным в текстах причинам. Аналогично, Разин — «удалой молодчик» [5, № 352], Пугачев — столь же «бесстатусный» «добрый молодец» [6, № 514], и, разумеется, ни один из них не получает чрезвычайно настойчивого предложения от прусского короля, которое часто получает «российский граф Захар Григорьевич Чернышев», а именно: «Послужи мне верой правдою, как служил ты царю белому...» [6, № 325; аналогично — № 326–331, 333, 335–338, 339, 341, 350, 352, 353, 354, 368]; в одном тексте ради достижения этой цели прусский король даже: «Не приказал его ни поить-кормить, а приказал только спрашивать, будет ли служить ему верой правдою» [6, № 355, ст. 7–9]. Разумеется также, что лишь у Ермака (из героев-пленников) есть возможность угрожать турецкому султану полным разорением Азова, всей Турции и смертью самому султану [4, № 378–380, 382–385]; но эта песенная возможность мотивирована своими особенными историческими обстоятельствами — долгой войной донских казаков с Турцией. «Российский граф Захар Григорьевич Чернышев» тоже зачастую угрожает прусскому королю расправой [6, № 325–328, 330–332, 335–339, 341, 350, 352–354], но действительные основания для этих угроз исторически несколько более все же *конкретны* — З. Г. Чернышев после освобождения из плена действительно воевал с пруссаками (а о историческом Ермаке, кстати, до его сибирского похода вообще ничего достоверного неизвестно).

Вместе с тем, говоря о песнях о «герое в темнице», совершенно необходимо не только показать достаточную степень конкретности историзма хотя бы двух песен о Чернышеве-пленнике. Не менее важным представляется существование своего рода фабуло-лексико-фразеологического континуитета в этой группе песен. Разумеется, «континуитет» этот не абсолютен и песни о герое в темнице — это разные песни, даже если героем является один персонаж. Но, тем не менее, некоторая общность в фабульной организации этих разных песен все же наличествует.

Песни, как правило, начинаются с точного указания на *местоположение темницы*, в которой томится герой:

(8)
 А и по край было моря синего,
 Что на устье Дону-то тихого,
 На крутом красном бережку,
 На желтых рассыпных песках,

А стоит крепкой Азов-город
Со стеною белокаменною,
Земляными раскатами,
И ровами глубокими,
И со башнями караульными.

Среди Азова-города
Стоит темная темница,
А злодейка — земляная тюрьма [4, № 377].

Аналогично, хотя намного лапидарнее и с иными деталями [4, № 378–385, 386–387]:

(9)
У Троицы было у Сергия под горой,
За каменную за белою стеной,
Стояла там темная темница [5, № 352].

(10)
Как по край моря синего,
Посреди поля широкого
Что стоял тут Кистрин-город.
За кистринскими воротами
Стоя[ла] тут темна темница [6, № 325].

Аналогично, хотя с иными деталями — [6, № 326–331, 333, 334, 336–342, 345–353, 355–367].

Далее иногда описываются разного рода *замки и запоры*, которыми снабжены тюремные двери:

(11)
И во той было темной темницы,
Что двери были железные,
А замок был в три пуда,
А пробой были булатные,
Как засовы были медные [4, № 377].
Аналогично — [4, № 378–379, 381].

(12)
Ворота-ти, двери были железны,
Ободверенки-ти были укладны,
Пробойчики были булатные,
Замочек-от был да ровно три пуда [6, № 339].

Или описывается закономерная крайняя *скудость «внутреннего убранства»* темницы:

(13)
...Как была тут темна темница
Без дверей и без окошечек [4, № 382].

(14)
Там стояла тюрьма,
Тюрьма темная,
Темным-темная,
Заключенная [4, № 384].

(15)
...Была темная темница,
Без дверей ды без окосицек [4, № 385].

(16)
 Без дверей та тюрьма, без окошечек,
 Что с одной-то она с дымчатой трубой [4, № 387].

(17)
 ...Ни окошечков нет, ни протесоньков,
 Одна трубонька дымовая [6, № 355].

(18)
 ...Без дверей-то, без околенок,
 Без стеклянных без окошечек [6, № 358].
 Далее часто констатируется сам *факт заключения* героя:

(19)
 Что во той темной темницы
 Засажен сидит донской казак... [4, № 377].

(20)
 А во той ли темной темнице
 Сидел там удалой молодчик,
 По имени-прозванью Стенька Разин [5, № 352].

(21)
 Как во этой темной темнице,
 Заключенной затюремнице,
 Там посажен добрый молодец
 Чернышев Захар Григорьевич [6, № 363].

И так далее, количество подобных констатаций здесь едва ли не равно количеству самих текстов взятой тематики (в пределах [4], [5], [6]).

Затем (хотя и не обязательно) констатируется время его пребывания в темнице (30 лет) и относительно детально и вполне трафаретно описывается его тяжкое состояние:

(22)
 Он (Ермак — *А. И.*) отростил черны кудерцы
 По своим по могучим по плечам;
 Он отростил русу бороду
 До шелкова своего своя пояса [4, № 378].

(23)
 Он («добрый молодец Чернышев Захар Григорьевич») засажен ровно тридцать лет.

Отрастил свою бородушку
 До шелкового до пояса,
 Отрастил свои кудерушки
 По могучи свои плечики [6, № 359].

И так далее, количество подобных констатаций здесь тоже едва ли не равно количеству самих текстов о герое-пленнике (в пределах [4], [5], [6]).

Затем и начинается собственно фабула, как, по Б. Томашевскому, «событие, развивающееся в жизни персонажей». Но подробный пересказ этих «событий» здесь неуместен. Достаточно сказать, что «ключевым» (но не абсолютно устойчивым) эпизодом в большинстве песен является разговор заключенного с турецким султаном или прусским королем, в ходе которого заключенный (Ермак или Чернышев; Пугачев и Разин такой возможности не имеют) требует либо кормить-поить его, либо казнить, либо на волю пу-

стить; Чернышев, кроме того, получает настойчивое предложение поступить к прусскому королю на службу; иногда заключенный (Ермак и гораздо чаще Чернышев) намерены обратиться за помощью либо к донским казакам, либо к «государыне», а Чернышев, кроме того, высказывает твердое намерение «послужить своей саблей по толстой шее царя прусского».

После работы Б. Н. Путилова [9] и особенно замечательной работы Г. И. Мальцева «Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики» [8] в отечественной фольклористике укрепилась мысль о тотальной формульности фольклорного текста, когда формулой, обладающей своей особенной глубинной семантикой, может быть даже одно слово; о том, что предметом изображения лирическая песня (включая и лирические исторические песни) имеет не действительность, а «универсум фольклорной традиции» (т. е., проще говоря, саму себя). Имея однако дело с историческими песнями, принципиально чуждыми любой архаике, не стоит, разумеется, искать в них формул, аналогичных формулам традиционной лирики. В то же время, взятые здесь песни не могут быть интересными сами по себе, будучи взятыми по отдельности, но интерес они могут представлять лишь в случае, если их рассмотрение продемонстрирует некоторые общие закономерности, случаи фабульно-лексической изоморфности, актуальные хотя бы для исторической песни.

Прежде всего, несмотря на известный скептицизм Л. И. Емельянова (см. начало настоящей статьи) и мой собственный [2] по поводу способности традиционной нерифмованной (sic!) исторической песни сколько-нибудь полно отражать исторический факт в его событийной неповторимости, фрагменты (1), (3)–(7) такую способность хотя бы отчасти, но демонстрируют.

Фрагменты (16)–(18) демонстрируют, по всей видимости, способность традиционной нерифмованной исторической песни к фиксации неповторимых, нетрадиционных реалий (хотя, конечно, таких случаев очень и очень немного).

Стоит также отметить устойчивость указаний на местоположение темницы (8)–(10), очень относительную повторяемость текстуальных фрагментов, подобных (13)–(18), в совокупности с констатацией пребывания в темнице заключенного. Собственно, перед нами своего рода сугубо фабульная (т. е. лишенная какой-либо семантики) формула «стояла/стоял (тут) + характерная деталь + сидел (в ней, на стуле и под)». Из соображений построения текста такое начало текстов понятно — помимо частого суггестивного эффекта эта формула просто-напросто обозначает место действия или служит краткой экспозицией. Подобное начало текстов очень нечасто в русской исторической песне, но все же бывает. Самые показательные и практически фабульно-лексически изоморфные случаи:

(24)

Да за славною за рекою за Кумою,
Под крутыми под Бештовыми под горами,
Стояла тут белокаменная дугеня.

Во дугени сидит млад черкесский князь Богоматов... [7, № 311].

(25)

...У майора на дворе бел шатер стоит,
 Как во шатрике огонек горит...
 Очень маленький,
 Как дымок-то валит
 Дымок тоненький.
 У огня-то послан ковер шелковый,
 На ковре-то сидит
 Молодой майор со майоршею.
*У майора-то ноги скованы,
 У майориши руки связаны* [6, № 264].

Или несколько более далеко в лексическом отношении от (19)–(21) и (24), (25), но, думается, в фабульно-лексическом отношении достаточно изоморфно:

(26)

А на лугу на том стоял шатрик,
 Во шатре-то был послан коврик,
 На ковре сидит татарин... [4, № 15].

(27)

...Супротив было островов Орловых,
 Стоял на якоре воровской корабль.
 ...У знамячек стоит часовой казак,
 Перед ним стоит раздвиженный стул,
 На стулу сидит наш батюшка воровской атаман... [5, № 349].

(28)

Не во матушке было во Расеюшке...
 Во палатах было белых каменных,
 Там стояли столы черныи дубовыи...
 За столами-та стоят стулички кленовыи...
 На стуличках-та сидят князья-бояри... [5, № 351].

Приходится, конечно, признать, что степень фабульно-лексической изоморфности фрагментов (27), (28) с (8)–(10) и (19)–(25) не абсолютна и нуждается в более пространном обосновании. Но две последние строки из (25) демонстрируют, как представляется, типологически закономерную и абсолютно автономную (т. е. не перенесенную из какой-либо другой песни) фабульную деталь, характерную для песен о плененных персонажах, а именно — скованность, связанность пленника (любого).

Прежде всего нужно вновь обратиться к Чернышеву.

(29)

...Его рученки завязаны,
 Резвы ноженьки закованы [6, № 341].

Или:

...Он по темнице спохаживал,
 Русы кудерцы поглаживал:
 «Как бы рученьки не связаны,
 Кабы ноженьки не скованы»... [6, № 358].

Или:

...По темнице он похаживал,

Кандалам своим побрякивал... [6, № 365].

Пугачев тоже закован:

...Он по темнице похаживает,
Кандалами побрякивает... [6, № 514].

Закован и Разин:

(30)

...Что сковали руки-ноги железными кандалами,
Посадили же да Стеньку во железную клетку,
Три дни по Астрахани возили, *три дни с голоду морили* [5, № 295].

В этом фрагменте показательны также последние слова. Это тоже автономная фабульная деталь (т. е. еще раз, ни из какой другой песни не перенесенная), живо напоминающая частые требования Ермака и Чернышева, обращенные к турецкому султану или прусскому королю: «приказать кормить-поить, либо казнить».

Или из другой песни: «Злы татарища», «порубив» всех «сонных добрых молодцев» и «взяв в полон казачьего атаманушка», «посадили его добра молодца, в темну темницу, морят его, разудалого, *на умор морят*, не дают ему, доброму молодцу, *ни пить, ни есть*» [5, № 102].

Показательно, что приводить иные примеры скованности, связанности пленников из области русского фольклора в целях доказательства фабульной автономности этой детали, нет. Она встречается в украинских думах и, соответственно, в иных сюжетах, никак, кажется, не связанных с русскими.

(31)

...Кайдани руки, ноги поз'їдали... [10, с. 101].

Или:

...У три ряди бідних, безшасних невольників посаджено,
По два та по три докупи посковано,
По двоє кайданів на ноги покладено,
Сирою сирицею назад руки пов'язано [10, с. 106].

Последние два фрагмента в сопоставлении с фрагментами (29)–(30) позволяют заострить вопрос, ради которого настоящая статья, собственно, во многом написана. Речь идет о поисках некой системы типологически автономных элементов песенных, в данном случае, текстов исторического содержания. Материалом для этого поиска только русский материал естественно быть не может: слишком велика вероятность не увидеть генетических связей между разными, казалось бы, песнями.

В стороне пока остался еще один действительно ключевой эпизод песен о Чернышеве-пленнике и Ермаке в темнице — встреча и разговор пленника Ермака с султаном, или неким «Лексеем-судьей», а Чернышева с королем, в ходе которого и должна решиться судьба пленника. Но соответствующий автономный фабульный стереотип мною уже описан [2, с. 35–42].

Литература

1. Емельянов Л. И. Исторические песни XVIII в. // Исторические песни XVIII века (Памятники русского фольклора) / изд. подг. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971. С. 7–19.

2. Игумнов А. Г. Поэтика русской исторической песни. Новосибирск: Наука, 2007. 252 с.
3. Исторические песни. Баллады / сост, подг. текстов, вступ. ст., прим., словарь С. Н. Азбелев. М.: Современник, 1986. 622 с.
4. Исторические песни XIII–XVI веков (Памятники русского фольклора) / изд. подг. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.-Л., 1960. 695 с.
5. Исторические песни XVII века (Памятники русского фольклора) / изд. подг. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.-Л.: Наука, 1966. 386 с.
6. Исторические песни XVIII века (Памятники русского фольклора) / изд. подг. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1971. 356 с.
7. Исторические песни XIX века (Памятники русского фольклора) / изд. подг. Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1971. 284 с.
8. Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. 168 с.
9. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура; In *memoriam*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 464 с.
10. Украинские народные думы / изд. подг. Б. П. Кирдан. М.: Гл. ред. вост. лит., 1972. 481 с.

SONGS ABOUT CHERNYSHEV-PRISONER AND SONGS ABOUT «HERO IN DARKNESS»

Andrey G. Igumnov

Dr. Sci. (Phil), A/Prof., Senior Researcher,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS
6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia

The article reviews some Russian historical songs about a hero imprisoned in a dungeon. It is shown that with general convention and stereotype of the songs about the captive Chernyshev, in two of them the historical basis of the plot is fixed quite clearly. It is also shown that with all the plot and fiction differences of these songs, one can see some plot, lexic and phraseological continualization: the location of the dungeon is precisely indicated, locks are described, extreme poverty of the dungeon's "interior" is described, the fact of the conclusion of the hero, the time of his stay in the dungeon, and his serious condition are stated in rather detailed and complete manner. The conversation between the prisoner and the Turkish sultan or the Prussian king during which the fate of the prisoner must be decided, is described. The concepts of plot and lexical isomorphism and autonomous fabled details are introduced. The plot formula "standing / standing here + characteristic detail + sitting" and, with the involvement of Ukrainian thoughts, motives of captivity for constraint / connectedness was considered.

Keywords: Russian historical songs; Yermak; Razin; Chernyshev; Pugachev; concreteness of historicism; plot and lexical isomorphism; autonomous reality.